

# «Дневник прадеда»

Из архивных данных общества «Мемориал».

Информация о военнопленном

ID 290021479

Фамилия: Амелин

Имя: Кузьма

Отчество: Митрофанович

Дата рождения/Возраст: 07.10.1904

Место рождения: Тульская обл., район Тепло-Огаревский, Смирное

Дата пленения: 28.08.1941

Место пленения: г. Щорс

Последнее место службы: 117 стрелковая дивизия

Воинское звание: красноармеец

Лагерь шталаг: IV В

Освобожден: Австрия, Баден.

Лагерный номер: 217924

Воинское звание: рядовой

Название источника: донесения ЦАМО

Номер фонда источника информации: 58

Номер описи источника информации: 18002

Номер дела источника информации: 1494



15 июля 1941 года. Призыв, г. Тула.

Жара стоит невыносимая. Настроение у меня, как и у всех - тревожное. Уже почти месяц идёт Война. Нельзя сказать, что её не ждали. Ждали и понимали, что будет рано или поздно... Лучше бы конечно поздно. Судя по сводкам СовИнформБюро, бои идут по всей границе СССР, но слухов ходит много. Ощущение нарастающей катастрофы живет в душе каждого человека. На подводах, полуторках и пешком, со всего тульского района, нас- призывников собирают на Учебные курсы для новобранцев. Располагаются эти курсы в доме притча, у центрального Собора города Тула. Народу прибывает много. Тут и колхозник, и интеллигенция и рабочие тульских заводов, кроме оружейного и патронного, у которых "бронь" на призыв. Призывной возраст установлен с 17 до 55 лет. Кто старше, может записаться добровольцем. Таких тоже хватает. Сам я здешний, Амелин Кузьма, по отцу Митрофанович, из села Смирное Тепло-Огаревского района. Наших селян много, вот хоть бы и Герасим, мой брат двоюродный. А какой я новобранец? Мне уже 43, отслужил уже свои три года на Урале в системе охраны Транссиба. Нас, бывших солдат, учить особо-то и не чему. Рассказали, чем и с кем придётся воевать. Показали образцы вооружения Германии и их многочисленных союзников. Лекции по оказанию первой медицинской помощи прочитали. Стрельбище, строевая подготовка. Всё как положено.

30 июля 1941г. На Запад.

Наконец-то получено назначение. Теперь я рядовой боец 117 стрелковой дивизии. Нас спешно грузят в теплушки и через Москву, на запад... Москва. Я тут бывал и раньше, но сейчас она была особенно строгая, как будто по-военному одета в серую шинель. На Белорусском вокзале музыка. Духовой оркестр играет "Прощание славянки". Пробирает до слез... Тогда я ещё не знал, что не увижу родных мест долгие 5 лет. Поезда идут медленно. Скопление составов на узловых станциях удобная мишень для самолётов фашистов. Первый раз нас бомбили ночью, под Смоленском. Было страшно: темно, вой падающих бомб, потом зарево пожаров... Первые убитые и раненые... Навстречу нашим эшелонам с войсками, танками, артиллерией, непрерывно идут составы с эвакуированным оборудованием, беженцами, ранеными. Все это, казалось бы, хаотичное движение всех людей, паровозов, вагонов подчинено каким-то неизвестным нам силам и законам военного времени. Мы должны прибыть в Гомель. Там нас доукомплектуют и вооружат. В душе растут тревога и страх. Мы едем на войну. Что ждёт нас там? За нами города и села, где живут родные и близкие, друзья и товарищи, но все они наши, русские, советские люди, а впереди враги. И мы будем убивать друг друга, но как сказали на коротком митинге на перроне: "Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!", и это- не просто слова, никто и никогда не смог захватить нашу Родину. Её бескрайние просторы перемалывали и орды Батыя, и шведов, и тевтонцев, и поляков, и французов. Мы выстоим и победим.

29 июля 1941. Смоленск.

Стоим уже несколько дней. Город наводнен войсками, техникой, танки непрерывный потоком идут в сторону Минска. Ещё больше эшелонов с ранеными. Войны ещё не слышно, но дыхание ее все ближе. Сводки все тревожнее. Уже пали Брест, Молодечно, Гродно... Вся белорусская земля перечеркнута огненной рекой Смерти, по одну сторону которой мы, а по другую - фашисты. Много вопросов родится в голове: как же так, почему, кто виноват? Нет ответов. Наконец, спустя несколько дней, эшелон идёт дальше на Борисов. При подъезде к городу заметны пожары. Товарную станцию бомбят вражеские самолёты, наверное, из Варшавы или Кенигсберга. Мы проскочили.

5 августа 1941 г. Под Гомелем.

Случилось то, чего никто не ожидал. Воспоминания ключьями проносятся в голове, как фонарные столбы, окутанные туманом в окне вагона... Взрыв поезда, авианалет штурмовиков Юнкерс-87, искореженные остатки паровоза и нескольких вагонов. Солдаты бросились с врассыпную. Вперёд нельзя, там стреляют. Рев самолётов сзади, Юнкерс-87 или "Штука" круто с ревом пикирует вниз, разрывные пули находят свои жертвы в людском муравейнике. Фонтанчики разрывов пляшут все ближе и ближе. Удар, меня отшвырнуло, как котёнка в кусты... Провал сознания... Очнулся минут через 10. Кругом дым и гарь. Голова шумит, но сознание возвращается. Меня тащат к лесу Максим и Герасим. Мы из одного села. Огонь в руке. Кажется, ранен. Левая рука онемела, и с неё капает на траву что-то красное. Кровь... Бежать, идти, ползти в лес, только бы успеть. Под кронами деревьев самолёты не страшны. Вот на насыпи показались танки.

Огромные чёрные черепахи с белыми крестами. Откуда они здесь? До линии фронта ещё 40 км. Было 40 км. Теперь фронт здесь. Оружие. Где оружие? Нет. Не выдали ещё. Обещали вооружить в Гомеле. В руке только саперная лопатка.

Сжал рукоятку так, что кисть свело, не разжать пальцы. Рана болит. Похоже прострелена осколком с пулемёта Юнкерса левая кисть. Уже могу идти сам. На другой стороне, за насыпью застрекотали мотоциклы с пулемётами. Все.

Окружены. Немецкий пулемёт по звуку не спутать ни с чем. Тяжёлые дробные удары по ушным перепонкам. Спереди, сзади, сбоку. У меня все, как в тумане. Залегли по кустам. Пулемёт совсем рядом. Та-татататата... Ветки над головой срезает, как косой траву. Меня засыпало обрезками. Всё залегли и вгрызлись в землю. Оглядываясь, где наши? Несколько знакомых под соседними берёзами.

Ага и Герасим, вот он, сзади. Встал на колени посреди поляны. Куда ты, ору ему - ложись! Нет, начал креститься и читать молитву.

Кругом пули свистят, вой и рев моторов, стоны раненых и крики ещё живых, а он молиться. Не взяла его пуля. Даже не поцарапала. Сосед перевязал руку, нашёл в кармане бинт, спасибо, пригодился. При мне пустая фляга, документы, скатка из шинели, старая каска "халхинголка" с помятым гребнем и сухарная сумка с остатками сух. пайка, в общем все, что было до взрыва паровоза под рукой. Ну ещё лопатка саперная. Перебежками от насыпи через лес, вроде там тихо. Народу

много, все перепуганы, без оружия. Командир наш пропал. Офицеры бегут с нами. Задача выжить. Выскакиваем на опушку, тут что-то типа склада, несколько домов и бочки во дворе. Склон довольно крутой, внизу немцы. Мотоциклы, пехота с грузовиков горохом. По наши души. Цепью. Сержант нас, Сидоренко, хватает бочку и под гору её. Мы тоже не отстаём, одна за одной катятся вниз, набирая скорость, наши кадушки. Это была последняя атака нашей 3-й стрелковой роты 117 пехотного полка.

15 августа 1941г. В плену.

Пишу эти записи по ночам. Благо есть этот блокнот и огрызок химического карандаша. Случилось чудо, я выжил, но какой ценой - ранение и плен. Мир перестал быть прежним. Всё перевернулось с ног на голову. Огромное количество советских людей за колючей проволокой. Они перестали быть людьми для внешнего мира. Нас тут тысячи. Первые ночи, как нас согнали на это поле были самыми тяжёлыми. И морально и физически. Не кормили. Тут люди превратились в человеческое стадо. Каждый сам за себя, мы старались держаться с теми, кого знали. Доверять было нельзя никому. Первые ночи были очень холодными. Много людей простудились, так как спали на голой земле. Были случаи, когда сильный отнимал у слабого шинель и спал на двух... На второй день на поле недалеко от нас, прямо внутри оцепления сел самолёт У-2 или по-нашему "кукурузник", два лётчика забрали кого-то из толпы. Кого? Боюсь этого мы не узнает никогда. Желаящих улететь было много, но лётчики достали наганы и сказали, что сколько есть патронов, столько будет мёртвых желающих. Самолёт улетел. Немцы даже не подняли тревоги, ночи тёмные, а поля под оцеплениями огромны. Народ все прибывает и прибывает каждый день. Это угнетает особенно сильно. Тысячи и тысячи пленных... Как же это? Ведь мы шли сражаться. 5 дней мы в загоне. Рука болит все сильнее. Как огонь горит в левой кисти. Наши привели доктора Петра Моисеевича Лившица, тоже из пленных. Он разбинтовал давно уже грязный бинт, осмотрел рану и вынес приговор- гангрена. Это значит только одно, ампутация руки и уже по локоть... Жить, как жить с этим? Пятеро детей дома, жена, хозяйство... И с двумя руками было тяжело, а с одной? Зачем я буду нужен инвалид? Мысли набегают одна на другую. Болезнь даёт о себе знать, температура, озноб. Я отказался резать руку. Будь что будет. Доктор, не

молодой уже худощавый еврей, покачал головой с волосами цвета крыла ворона, но уже тронутыми проседью, и медленно ушел в сторону немецкого пропускного пункта. Пленные расступались, давая пройти, людские волны смыкались за ним. Меня привели в чувство, дав глотнуть спирта. Я закашлялся, и слезы брызнули из глаз. Оказывается, Пётр Моисеевич вернулся, выпросив у немцев ваты и флакон спирта. Как ему это удалось? Мы не знали.

-Можете ли вы терпеть боль? спросил он тихо, глядя на меня своими тёмными глазами.

-Да.

-Тогда терпите.

Его рука легла мне на плечо и дружески похлопала.

Он налил еще 100 грамм спирта, плеснул воды из фляжки, и дал мне выпить.

Внутренности обожгло холодным огнём. Врач попросил разжечь костёр и достал велосипедную спицу, вату и нож. Прокалив спицу на огне, он протёр её спиртом и на кончик навернул немного ваты. Затем попросил держать меня, за руки и ноги, а в зубы дал кожаный ремень. Наверное, мой доктор был опытный хирург, он неторопливо резал вены и чистил их велосипедной спицей, от локтя к кисти, а потом таким же образом с внешней стороны кисти. От боли я потерял сознание...

Очнулся я на следующий день. Меня трясло в лихорадке, боль была такая, что мне казалось, что рука плавится в печи и огонь испепеляет мою плоть. До сих пор вся левая рука моя в аккуратных поперечных порезах от локтя до пальцев, но тогда я об этом ещё не знал. Прочищены были все вены и кровь начала поступать в кисть. Положение было критическое. Жизнь или смерть? Через несколько дней я стал чувствовать себя лучше, температура спала, и я понял, что выживу. Где он теперь этот славный доктор? Боюсь, что его убили, при окончательном решении еврейского вопроса... Евреев и комиссаров уничтожали в первую очередь.

Спасибо тебе Пётр Моисеевич. Если бы я мог отдать свою жизнь за твою, я отдал бы, не задумываясь. Через неделю нас погрузили в вагоны для перевозки скота и повезли на запад.

7 октября 1941г. Лагерь в Польше.

Рука ещё болит, но при регистрации меня осмотрел немецкий врач и сказал, что работать я смогу, и меня определили вместе с другими пленными в лагерь, или

как немцы называют - шталаг. Нас сфотографировали, сняли отпечатки пальцев и каждому сделали наколку с номером на запястье левой руки. У меня теперь нет имени, только номер 217924. Подъем в 6 утра. Отбой в 23. Нас, если можно так сказать, кормят. Рацион минимальный, что бы не умерли. Баланда, хлеб с опилками, бледный чай, конечно же без сахара. Живём в бараках по 500 человек с двумя печками и нарами в два этажа.

Мы работаем, по 15 часов в день. Работы разные: разбор завалов, ремонт мостов, плотницкие и столярные работы... Поляки, по нарядам из немецкой комендатуры, тоже работают с нами. Они напуганы и молчаливы, впрочем, как и все мы. Один из этих рабочих, по имени Кшистов, рассказал нам, что примерно в 1000 метрах от нашего лагеря был магазин, в котором продавали в том числе и продукты, но во время одной из бомбёжек 1939 года, бомба попала в этот дом, разрушив его полностью, но там остался подвал. Это была очень ценная информация. Охраняли нас сначала не так строго. Немцы в начале войны разделяли пленных, на военнопленных, т. е. воевавших с ними и перемещенных лиц, а так как оружия при пленении у нас не было, то мы были определены во вторую группу. Ночью мы втроём отползли от лагеря и работали до рассвета. Надо было добраться до подвала с продуктами, а это огромные груды кирпича, да ещё проход должен быть незаметным. Работали несколько недель, днем- как все, ночью- вторая смена. Под утро, доползали до барака, впадали в забытие на несколько часов. Говорить кому бы то ни было про нашу тайну было опасно. Очень много "своих" за дополнительный паек или послабление в работе, докладывали немцам обо всем, что считали подозрительным. Были такие в бараке и у нас. Недели через две нам наконец удалось прорыть щель в подвал. Трое голодных и изможденных дневным трудом красноармейцев попали в пещеру Али Бабы. Продуктов было не так много, но и это для нас было огромным счастьем. Зная, как опасно есть много после долгого голодания, мы ели не много и экономили на будущее. Несколько головок сыра с кулак размером и «Краковская» колбаса были доставлены в барак и положены на стол в середине барака для товарищей. Сбежать, очень хотелось сбежать. Многие пытались, но неизменно через несколько дней проводилась показательная казнь беглецов. Прятаться было особенно негде, и население было

запугано фашистской пропагандой и выслуживалось, спасая свои жизни. Это очень угнетало, и желание обрести свободу такой ценой не возникало...

21 апреля 1942г. Шталаг 4. Бельгия.

Шталаг номер 4 «В», в Бельгии, располагался в восьми километрах на северо-восток от города Мюльберг. Он отличался своими размерами и многонациональностью. Здесь были американская, английская, французская и русские зоны. Заключённых было очень много, и содержали их в разных условиях. Пленные из стран, подписавших Женевскую конвенцию 1929 года "О порядке содержания военнопленных", т. е. ещё до Второй мировой войны, имели большие преимущества: получали посылки из дома, медикаменты, продукты и одежду от организации Красный крест. Пленные из СССР не получали ничего, работали в полтора раза больше, и на них действовала доктрина расовой неполноценности. Работа была тяжёлая, на каменоломне. Русские пленные выглядели плохо, обросли, обветшали в одежде, выглядели больными, отчасти так и было, но в основном, чтобы меньше работать на так называемую «Великую Германию». Однажды, после работы в каменоломне, охранники вытолкнули меня из колонны и повели в Комендатуру. Было это непонятно и страшно. Молодой офицер и несколько солдат СС в чёрной форме завели меня в здание и проводили на второй этаж. Я поднялся туда ни жив, ни мёртв от страха. Каково же было моё удивление, когда вместо допроса мне выдали ведро и тряпку и приказали мыть пол. Смысл я понял, хотя языка не знал. Привычные же «шнеле» (быстрее) и «арбайтен» (работать) подгоняли нас каждый день. Я никогда в жизни не мыл пол! Это была катастрофа. Я неловко взял тряпку, опустил в ведро и попытался выжать. Получилось очень неловко. Немцы смеялись, как в цирке, и я со злостью сказал офицеру, что не умею мыть полы и не мыл никогда. Сказал и испугался. Офицер внимательно посмотрел на меня, уж не из дворян, ли? Но ничего не сказал. Молча осмотрел меня с ног до головы, подошёл, засучил рукава, и сняв черную фуражку с черепом, передал её стоящему рядом солдату. Я весь сжался изнутри, как пружина. Бить будет. Стараясь не подавать виду, что испугался, сделал пол шага назад. Приготовился к худшему. Офицер же, взяв из моих рук тряпку, опустил её в ведро с водой, ловко выжал и начал умело мыть пол. Показав, как это делается, отдал мне, остолбеневшему, тряпку и с хохотом,

увлекая солдат ушёл вниз по лестнице. Посмотрев ему вслед, я понял, что теперь моя очередь мыть, но... Лучше бы я не смотрел на окно. Там на подоконнике стояла початая бутылка молока. Если вы не голодали, то понять это трудно. МОЛОКО, мы не видели хорошей еды несколько лет. Питались отбросами и супом на столярном клее. Казалось, что я вечно буду жить с чувством голода, а тут почти целая бутылка молока. Я все забыл, кто и где. Схватив бутылку, я выпил её за несколько секунд и только потом понял, что натворил. В русском блоке и за меньшее ждал расстрел. Не помня себя, я медленно спустился вниз по лестнице. Охраны у входа не было. Ещё раз оглядевшись, я медленно пошёл в сторону своего барака. Никому ничего не сказав, лёг на свои нары. Прошло минут 10 и взвыла серена, приказ- срочное построение, заключённые бегом "высыпали" на плац, гремя арестантскими бахилами. Это был особый вид обуви, безразмерный, тяжелый, из грубого брезента. Четкий строй людей в полосатых рабах походил на сбор колорадских жуков. Любое нарушение в строю строго наказывалось. И вот я стою в шеренге таких же своих товарищей и догадываюсь, кто виновник этого торжества. Всё стало окончательно понятно, когда несколько офицеров сказали, что в комендатуре была совершена кража и ищут виновного. Строй молчал. Мои товарищи знали, что там мог быть только я, но молчали. Перед строем вышел солдат с собакой и дал ей понюхать пустую бутылку. Затем они медленно пошли вдоль строя. Лагерные собаки все были немецкие овчарки, специально обученные и натасканные на людей, как на дичь. Пощады от них ждать не приходилось. В лагерной стае их иерархия была намного выше нашей. Собака шла, нюхала воздух и с ненавистью смотрела на людей, замерших от страха. Я понимал, что спасти меня может только чудо. Стоял и молился, закрыв глаза. Собака прошла мимо.

Предатели. Июль 1944год. Австрия.

Шталаг 3с, на северо-западе от Вены. В лагеря военнопленных каждую неделю приезжают представители РОА (Русской Освободительной Армии) генерала Власова. Агитировать за хорошую жизнь и новую Россию. Отношения к Родине у всех нас разные. Кому-то она мать родная, а кому-то- мачеха. К «власовцам» шли мало. Совсем отчаявшиеся или озлобленные. Больше, чтобы выжить, чем "за идею". Мне, из семьи раскулаченного крестьянина, у которого отец ослеп в



ссылке, а старшие братья и вовсе пропали, и то даже в голову не приходило строить «Орднунг», то есть немецкий Новый порядок, а тем более воевать за него против своих. Давно было понятно, что немцы, в соответствии со своей доктриной, не считали нас за людей, и места в их Мире для славян не было. Так вот, был у нас один стукач, который все немцам докладывал и в РОА агитировал. Надо сказать, что ему за это перепадало с «барского стола». Частенько его видели около комендатуры, и выходил он оттуда сытый и весёлый. У нас давно образовалась небольшая группа пленных, которые были вместе с августа - сентября 1941 года. Мы доверяли друг другу, с нами было даже несколько коммунистов. Решено было казнить предателя, от которого уже пострадало много пленных, а за подготовку побега недавно даже были расстреляны несколько человек. Сомнений не было, кто предал. Ночью предателя схватили. Это было нелегко. Человек этот был большого роста, сильный физически, видимо дополнительный паек давал ему жизненных сил. Несколько товарищей навалились на него, скрутили ему руки проволокой. Я в это время стоял на "стреме" у входа в барак. Все было сделано тихо. Предателя потащили как мешок к туалету и утопили в выгребной яме. Никто за него не заступился, о нем не пожалел. Казнь была совершена тихо и бесшумно. Все знали, что это не единственный доносчик. Боялись. Но напрасно. Немцы искали его, но не нашли.

Освобождение. Апрель 1945г.

Фронт приближался к нам стремительно. В конце мая уже была слышна артиллерийская канонада. Хотя Вену и обороняли 8 танковых дивизий Вермахта и одна пехотная, охрана лагеря заметно нервничала, и срывала зло на заключённых. Наступление 2 и 3 украинских фронтов было стремительным. Штурм Вены начался 7 апреля. Горизонт с трех сторон сиял вспышками огня и заревами пожаров. Город был окружён, но фашисты сдались только 13 апреля. В эту ночь было непривычно тихо, и под утро сбежала наша охрана, а с ней и некоторые из «заключенных». Мы остались одни, и ждали... Через 4 часа на территорию лагеря въехали танки с красными звездами. Это был передовой отряд 9-й танковой гвардейской армии генерал-майора Глаголева Василия Васильевича. На радостях мы не могли сдержать слезы, построившись в колонны бывшие военнопленные, а теперь свободные люди страны- победителя СССР, мы

промаршировали до ближайшего города с гордо поднятыми головами и чеканя шаг. Через несколько дней нас отправили на Родину, не по домам, а в фильтрационные лагеря.

Эпилог. Донбасс 1946г.

Год прошел пока нас проверяли- как, когда, при каких обстоятельствах попали в плен. Все это время мы работали на шахтах Донбасса, но этот труд совсем не был похож на труд рабов. Все ждали отправки домой, встречи с семьями, которые ждали нас, не смотря на извещения «Пропал без вести». Я жил все это время в семье рыбака. Было так непривычно есть столько, сколько хочется, и я быстро набрал вес, как говорится – отъелся, аж до 80 кг. Спустя положенное время нас стали отпускать домой. Меня как ударника работы, бригадир оставлял у себя. Просил вызвать семью и давал жилье, но я, все-таки уехал, так как пришла осень, и сырость в шахте стала такая, что меня скрутил ревматизм, и работать не было сил. По результатам проверки многим было присвоено звание участника боевых действий. Впоследствии я даже получал памятные военные награды и стал ветераном Великой Отечественной Войны, но говорить о ней не любил.



